

УДК 82'06

DOI: 10.17223/19986645/42/11

Н.Е. Никонова, П.А. Ковалев, Ю.С. Серягина

**«И КЛИЧ ОБ НЕМ И СЛАВА МРАЧНОГО ФИЛОСОФА ЛЕТЕЛА
ОТОВСЮДУ»: Ф. НИЦШЕ В ЗЕРКАЛЕ СИБИРСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ¹**

В статье представлена первая попытка исследования региональной рецепции наследия Ф. Ницше на материале библиографических, критических публикаций, переводов и художественных сочинений, представленных на страницах газет университетского Томска 1890–1900-х гг. Выявляются стратегии восприятия и их динамика в сопоставлении со спецификой русского ницшеанства и антиницшеанства конца XIX – начала XX вв. в целом, делается вывод об оригинальном характере сибирской рецепции.

Ключевые слова: Ф. Ницше, рецепция, литературная периодика, словесная культура в Сибири.

Наследие Ф. Ницше (1844–1900) до сих пор привлекает к себе живой интерес гуманитарной науки и остается во многом неизведанным, выступая благодатным полем для интерпретаций и разысканий философов, лингвистов, литературоведов. Латентная функциональность его произведений достигает искомой цели, порождая отличные, сменяющие друг друга варианты понимания, толкования, представления учений мыслителя в разных национальных, историко-культурных, индивидуальных измерениях. По наблюдениям Н.К. Бонецкой, «русский Ницше» – это «коллективное создание мыслителей Серебряного века», «плод “русской герменевтики”», «не портрет, а скорее икона, и представленный ею лик не индивидуален, а тяготеет к универсальной человечности» [1]. На рубеже XX–XXI вв. имя Ницше снова вызывает оживленный интерес в отечественной мысли и гуманитарной науке, и современное прочтение вновь отражает характер эпохи, не стремясь открыть неизвестные грани его философии: «Для нас Ницше, скорее, непреходящая интеллектуальная провокация, втягивающая нас в опасную и непредсказуемую игру мышления, которая в случае удачи позволит добиться новой “оптики”, способной открыть новые тематические горизонты» [2]. Таким образом, имя и наследие германского мыслителя уже почти полтора века выступает продуктивным имагологическим конструктом, зачастую больше говорящим о состоянии воспринимающей культуры.

Идеи Ницше стали предметом оживленных дискуссий в России еще в 1890-х гг., когда появились первые переводы и критические статьи как ницшеанского, так и антиницшеанского толка. Ю.В. Синеокая отмечает, что «первоначальное (примерно с 1892 по 1899–1900 гг.) отношение российских интеллектуалов к творчеству Ницше можно охарактеризовать как резкое отрицание позитивной роли его учения, в котором традиционно усматривали

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МД-4756.2016.6.

симптом и отражение кризисных тенденций, присущих европейской культуре», в результате этого в публикациях столичных авторов России «был создан устойчивый образ Ницше – декадента, имморалиста, ниспровергателя идеалов, сторонника рабства и крепостного права, безбожника и проповедника зла» [3]. И первым ницшеанцем по праву считается В.П. Преображенский, выпустивший в 1892 г. очерк, содержащий критику ницшеанской «морали альтруизма» [4]. Резкий взлет популярности Ницше в России начинается после его смерти и связывается с выходом первого собрания сочинений в 9 томах в 1900 г. [5], принятием его философии, способствовавшей «российскому духовному возрождению», развитию русского новоидеализма [6].

В настоящей статье мы впервые попытаемся определить специфику восприятия Ницше в кругах сибирской мыслящей интеллигенции 1890–1900-х гг., отразившуюся на страницах провинциальной периодики.

В 1894–1907 гг. в сибирской печати («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски») развернулась оживленная дискуссия о Ницше и его идеях, участниками которой стали видные общественные деятели Томска: Петр Иванович Макушин, основатель правовых основ областничества Сибири Рафаил Львович Вейсман; правнук Н. Лобачевского, поэт и переводчик Василий Эдуардович Дембовецкий; авторитетный литературный критик Петр Львович Черневич и др.

Первый этап рецепции Ницше связан с именем П.Л. Черневича, широкий кругозор и талант которого отмечали современники [7. С. 72]. Впервые имя философа появляется в 1895 г. в рубрике «Очерки заграничной жизни». П.Л. Черневич сообщает читателю о выходе скандально известной книги Ницше «Антихрист» и некоторых обстоятельствах ее издания:

Другой, не менее интересной литературной новостью является посмертное, если можно так выразиться при живом еще авторе, только что вышедшая в печать книга Ницше «Антихрист». Это последний том сочинений, надевавшего столь много шума философа, сошедшего с ума еще в 1888 г. До последнего времени мать и сестра отказывались печатать последнюю рукопись несчастного больного, но в конце концов, к сожалению, согласились [8. С. 2].

Из этого краткого отзыва явствует негативный характер восприятия фигуры философа и его наследия, предстающего в образе помешанного.

В том же году Черневич продолжает свою ницшеану в анализе романа Д.С. Мережковского «Отверженный» (1895). Рецензент отзывается о произведении одобрительно, прочитывая его ницшеанские мотивы адекватно современности:

Этот роман интересен еще кроме того и в том отношении, что в нем разрешаются некоторые вопросы, которыми не так давно Ницше взбудоражил мир и которые до сих пор еще волнуют многие легко увлекающиеся головы. Перед вами «сверхчеловек», дерзающий на все, восставший против богов и думающий преобразовать мир, сделать его снова столь же прекрасным, каким он был некогда, во время древних героев и великих мудрецов. Но мир уже позабыл старые идеалы. Они перестали быть понятными для него и к

ним не вернут уже его никакие сверхчеловеческие усилия. Сверхчеловек поэтому должен погибнуть [9. С. 2].

Сверхчеловек Ницше, а за ним и Мережковского предстает в статье сибирского критика последним романтиком, Черневич вчитывает собственные смыслы в интерпретацию Мережковского, подчеркивая конструктивность этого образа и предвеляя, по сути, то толкование, которое философы Ницше найдут в русском неоидализме начала XX в. Тенденция к романтизации, аксиологическому консерватизму, вере в незыблемость вечных моральных ценностей прошлого, в частности, прошлых периодов словесной культуры, характерна для провинциальной рецепции западной мысли в целом, что оказывается созвучным интенциям Мережковского (см., например, [10]). И мышления томского обозревателя наглядно это демонстрируют:

Некоторые наши критики удивляются, что Мережковский сделал под влиянием проповеди Ницше своего героя – сверхчеловеком по той причине, что сверхчеловек порождение якобы нашего декадентского *Fin de siècle*. Как будто в то время борьбы двух миров и страшного крушения отживших мировоззрений подобные идеалы были немислимы! [9. С. 2].

Сверхчеловек император Юлиан характеризуется Черневичем с помощью типичных формул эпохи романтизма: *последний рыцарь язычества и всего того, что только было в нем прекрасного, последний эллин, умирающий на развалинах Эллады; человек с удивительной силой воли, но скрытный и склонный к мечтательности, отважный до безумия и вместе с тем трусливо-осторожный, философ и суевер, жесток и нежен, как девушка*. Эта особенность субэтнического культурного сознания видится и в том, что томский критик не принимает социологического прочтения Сверхчеловека, представленного в историческом романе либерала П.Д. Боборыкина «Перевал» (1894), сопоставляя его с «Отверженным» Мережковского:

Этот роман еще более выигрывает среди разных других произведений наших беллетристов, которые, как будто прилагают все усилия к тому, чтобы отбить у читателя всякую охоту к чтению. Умалчиваем в этот раз об огромном романе Боборыкина, растянувшемся в целых шести книжках «Вестн<ика> Евр<опы>» [9. С. 2].

Восхищаясь интерпретацией Мережковского, Черневич, с одной стороны, выявляет резонансные черты в духе религиозного идеализма, с другой – сознательно не приемлет пессимистические, эпатажные, нигилистские идеи Ницше в дальнейших своих заметках на страницах сибирской периодики, которые свидетельствуют об оригинальной рецептивной стратегии и исключают вероятное провинциальное неофитство.

Образ сумасшедшего философа Черневич разворачивает в своей следующей подробной статье «Проповедь безумца» (1895) [11. С. 2]. На риторический вопрос «Не безумец ли он, не зазнавшийся ли пророк?» автор очерка дает утвердительный ответ, подчеркивая, что душевный недуг – воздаяние,

постигшее «странного апостола» («судьба страшно наказала его»). Опираясь на очерк Преображенского, Черневич пересказывает идеи Ницше, признавая разрушительную силу его таланта:

Наша цивилизация никогда не видела еще до сих пор более страстного и непримиримого врага. Из всех нигилистов Нитче¹ самый отчаянный. Никто до сих пор не нападал так резко на всю нашу культуру, не отрицал так безропотно современных идеалов; не осмеивал так жестоко науку и все наши излюбленные «измы» и идеи, как этот беспощадный отрицатель [11. С. 2].

В то же время сибирский обозреватель отдает должное художественному гению германского философа.

Редкий писатель, – замечает автор статьи, – сумеет вылить какую-нибудь группу мыслей в такую краткую и вместе с тем художественную форму, какой отличаются многие афоризмы Нитче. <...> Они действительно поражают не только силою языка и изумительным мастерством в передаче самых неуловимых оттенков мысли, но и красотой своей формы, обладающей прелестью пластики и музыки. Проза Нитче – это образец художественности [11. С. 2].

Очерк Черневича представляет собой характерный обзор первого этапа русского (анти)ницшеанства, повторяет его логику и опорные постулаты мифотворческого характера, к примеру, симптоматичное утверждение о польских корнях философа:

Для русской публики учение Фридриха Нитче должно представлять двойной интерес. Во-первых, потому что он славянин по происхождению; во-вторых, потому что он один из наиболее оригинальных и сильных, если не самый оригинальный и сильный противник Толстого [11. С. 2].

Отец Ницше оказывается «польским шляхтичем по происхождению (Nietzki)». Такая родословная значительно приближала фигуру немецкого пророка именно к сибирской публике, заметную часть которой составляли переселенные поляки.

Хотя оценка взглядов Ницше в статье томского критика не является сугубо отрицательной, его вывод возвращает читателя к мысли об иллюзорности его идей, об их чуждости русскому человеку:

Вот в кратких чертах та проповедь, которой теперь так увлекается Европа. Перед нами не моралист в строгом смысле этого слова, потому что он не признает и не дает никакой морали, а скорее мечтатель-эстетик, ненавидящий действительность и приведенный в экстаз созерцанием призрачных своих идеалов [11. С. 2].

---

¹ Данный вариант транскрипции был распространен в публикациях русских критиков начала XX в.

Завершает свою заметку Черневич разбором историко-культурных предпосылок, породивших феномен популярности философии Ницше. Умозаключение критика о логике движения европейской мысли от традиционных христианских идеалов к философии Шопенгауэра, заразившей общество «безнадежностью и разочарованием» и обернувшейся жадной новой «веры и надежды», которую утолили поиски «счастья в самом себе», представляется довольно зрелым для последнего десятилетия XIX в. Разгадка успеха Ницше, согласно Черневичу, в том, что его «проповедь как раз совпала с толками о великих правах личности, с появлением и развитием культа личности» [11. С. 2].

В следующем году после выхода заметки Черневича на страницах «Сибирского вестника» появляется произведение автора, подписавшегося псевдонимом Рафаил Лем'блан (настоящее имя неизвестно), – «Элегии в прозе» [12. С. 2]. Одна из двух частей этого сочинения «II Философ (по поводу Ницше)» представляет оригинальную вариацию образа рассказавшегося мыслителя и его смерти, которая последовала только в 1900 г. (!). Об авторе многого выяснить не удалось, известно только, что его перу принадлежат публиковавшиеся в сибирской периодике прозаические очерки, содержавшие литературные портреты скандально известных героев европейской культуры и истории, к примеру Джека-потрошителя и Фауста [13. С. 2]. Кроме того, в фондах РГБ сохранилось издание сочинения «Вырождение евреев и Палестина» (Одесса, 1889), принадлежащее, очевидно, его перу, что позволяет заподозрить в нем ссыльного литератора.

Если в изображении Черневича (который не только писал критические отзывы, но и переводил немецкую поэзию, Н. Ленау, например [14]) Ницше предстает «не моралистом», но «мечтателем-эстетиком», то в элегии Лем'блана его образ дан в линейной драматической динамике. В начале произведения перед нами холодный философ, который руководствуется только логикой и рассудком, который «бил и метал предания людей, их веру, Бога, идеалы, их увлеченья и ошибки, их горести и радости мгновения», бьется «с безызвестностью, с суровостью нужды». Такой образ Ницше, который «мечтаньям чуждый поклонялся лишь рассудку», совершенно противоположен портрету, созданному Черневичем. Однако этот характер во многом необходим автору элегии для разворачивания контраста во второй части текста, где возникает образ сумасшедшего философа. Если в изображении первой ипостаси лирическое повествование организуют мотивы холодности и твердости, железа и стали, молота и кузнеца, то в создании второй доминируют образы пепла, мрака и мути, смерти, мотивы сомнения и печали: «Какой-то мрак окутал мертвым саваном угрюмые глаза».

В финале элегии Лем'блан вводит фигуру матери Ницше, «измученной горем» и пробудившей сына от безумия своим шепотом: «... очнись, сын мой, очнись хоть на миг!». Возвратившись на этот зов в «мир разумный» лишь на мгновение, Ницше раскаивается и просит мать сжечь созданные им книги, после чего умирает. Эта тема выражается в мотиве света и огня: «осветилось вдруг лицо», «какой-то луч сверкнул», «потух огонь». Возникающий в финальной строке образ звезды («Звезда померкла навсегда»), эхом отзовется в

переводческом восприятии поэтического наследия философа на страницах томской периодики в 1907 г. (см. об этом ниже).

Элегия предоставляет понятный автору и читателю образ Ницше сквозь призму его биографического мифа, элементы которого имелись и в статье Черневича. Лем'блан продолжает заявленную критиком тему безумия, обращая с ее помощью жизненную канву сюжета о Ницше в христианское русло. Страдания, болезнь, осознание ошибок и заблуждений, покаяние перед смертью превращают героя элегии чуть ли не в святого: если Черневич называл Ницше апостолом в абстрактном смысле, то в элегии к безумному философу буквально идут паломники («пилигримы ездили к нему в деревню»). Хотя Лем'блан использует общеизвестные факты из биографии Ницше о последних годах жизни с матерью, среди которых и ложные известия о смерти философа, все же, будучи погруженными в лирическое измерение жанра чувствительной элегии, они создают романтически-трагический образ главного героя, которому читатель может только сочувствовать. Это уже совершенно иной характер рецепции, который может быть назван в рамках теории Антуана Бермана [15] *доместицирующим*, *присваивающим* (в отличие от преимущественно *форенизирующего*, *отчуждающего* в заметках Черневича).

В самой структуре этого своеобразного некролога ощущается сложное взаимодействие разных культурных традиций, начиная от античной эпитафии и заканчивая романтическими кладбищенскими элегиями, жанром, получившим особенное распространение в русской литературе XIX в. (см., например: [16]). Хотя диалогия¹ написана прозой, типологически стихотворение «Философ» совпадает по своей структуре с так называемой аналитической (по классификации М.Л. Гаспарова – «расчленяющей») элегией, имеющей трехчастное строение: «экспозиция, рисующая исходную ситуацию; ложный ход, намечающий возможное разрешение ситуации; отказ от ложного хода и предпочтение другого хода, истинного» [17. С. 363].

Не случайно и то обстоятельство, что именно жанр элегии, особо выделенный самим немецким философом, стал основанием для художественного обобщения томского автора: элегическая печаль о вечной утрате и сама элегия, которая «вне зависимости от способа воплощения, осознается как универсальная лирическая форма, как субститут лирики» [18. С. 5], выдвигаются Лем'бланом в качестве структурообразующего, гармонизирующего начала в рассказе о трагической судьбе философа, усомнившегося в морали и Боге. Именно потому при довольно последовательной метрической реализации канонического для русской элегической поэзии ямбического метра автор упорно избегает упорядоченности ритмических рядов и маркирующих их рифменных созвучий:

Он был философ. (1.1.1) Холодным взором (1.1.1) прорезывал он прошлое людЕй. (1.33.0) Мечтаньям чуждый, (1.1.1) он поклонялся лишь расудку. (3.11.1) Он презирал любовь, (3.1.0) как бьющую из рудников страстЕй. (1.51.0).

¹ Кроме анализируемой, в состав цикла входит элегия «Я и она».

В ритмической каденции этого зачина проявляются некоторые черты типологического сходства с горьковской «Песней о Соколе», напечатанной в за год до публикации в «Сибирском вестнике» и ставшей своеобразным манифестом демократической печати тех лет. Двухстопный ямб метризованной прозы, восходящий к экспериментам Горького и составляющий в структуре элегии Лем'блана всего лишь около 18%, маркирует собой первую часть текста, разделенного астеризмом, а во второй образует кольцевую структуру за счет повтора знаменательной формулы: «Потух огонь, (3.1.0) поблекли краски (3.1.0)» (ср.: «Потух огонь, (3.1.0) померкли краски (3.1.0)»). При этом большую часть элегии составляют ритмические комплексы, интерпретируемые как четырехстопный (33%), трехстопный (25%) и пятистопный ямб (18%), что заставляет вспомнить о том, что одной из линий развития русской элегии был ямб вольный [19. С. 59].

Определенную урегулированность чередованию ямбических форм разной длины придают амебейные приемы повторов словесных комплексов с принудительно акцентированным личным местоимением 3-го лица единственного числа: «Он был философ <...> Он презирал любовь <...> Он долго бился с безызвестностью <...> Он шел с ума <...> Он с матерью своей ютился» [12. С. 2]. Рассредоточенные по всему тексту, эти конструкции с прономинализацией создают особенный нарративный модус всего повествования, с которым резко контрастирует собственно элегический модус этого во многом уникального произведения, реализуемый с помощью ритмико-стилистических клише, в основном выполненных пятистопными и шести-стопными ямбическими конструкциями: «Какой-то мрак из пепла и печали», «...ютился в комнате в селеньи одиноком», «И книги вещи и дерзкие по мысли / витали в воздухе отравленной струей» [12. С. 2] и т. д.

В год смерти философа в сибирской печати появляются две заметки: тобольский «Сибирский листок» отзывается перепечаткой некролога [20. С. 2], а в Томске выходит обширная статья известного правозащитника, общественного деятеля российского масштаба Р.Л. Вейсмана «Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз» [21. С. 2; 22. С. 2]. Из краткого предисловия к этому сочинению становятся очевидны задачи автора, его целевая аудитория и коммуникативная установка:

Критическое отношение в деталях к Ницше могут себе позволить лишь крупные аналитики. Если следует говорить, то полным сочности и красок языком самого философа. Наша задача провинциального обозревателя – дать намек на взгляды Ницше на нравственность и преступность – далеко не единственные темы его философии – в надежде, что интеллигентная публика обратится к его сочинениям, из которых наиболее существенные имеются уже в русском переводе [21. С. 2].

Мотивы выбора темы в общем продиктованы профессиональными интересами разделявшего взгляды областников автора, добивавшегося особых правовых положений для Сибири, а также ее актуальностью для региона, поэтому Ницше «локализуется» в Сибири, как, к примеру, и его оппонент

М. Нордау [23. С. 2], в частности, посредством анализа отношения к феномену преступности.

Вейсман обращается к трем работам Ницше: «Помрачение кумиров» (более известное под заглавием «Сумерки кумиров (идолов), или Как философы стучат молотом», 1888), «По ту сторону добра и зла» (*Jenseits von Gut und Böse*, 1886) и «Так говорил Заратустра» (*Also sprach Zarathustra*, 1883–1885). На основе этих сочинений адвокат раскрывает основные концепты философии права германского мыслителя, как-то: нравственность, «мораль господская» и «мораль рабская», «наказание» и «улучшение», «дисциплина расы», «преступник» и «патология». Вейсман отдает должное энергетике художественного слова Ницше, признавая «удивительную поэтичность и гениальность напоминающей псалмы философской поэмы “Also sprach Zarathustra”», однако, излагая и комментируя тезисы его творений, не всегда с ними соглашается, т.е. «эскиз» обнаруживает и оригинальные аналитико-критические стороны. Так, сибирский автор не соглашается с отрицанием роли религии в оформлении понятия нравственности (*Все средства, с помощью которых человечество должно было сделаться нравственным, были совершенно безнравственными*), говоря о том, что *«резкая критика источника религиозных начал, несомненно, страдает и односторонностью»*, поскольку *«нельзя забывать, что вопросы этики только в последние столетия обособились в отдельные доктрины»*, а *«Библия есть книга не только религии, но и политики и гигиены»*, и *«классовое различие Ману вытекает из мотивов политических»*. Вейсман заканчивает первую часть своего очерка философским утверждением Т. Карлейля о людской и высшей справедливости, которое оттеняет категоричность ницшеанских афоризмов:

Еще Карлейль* (*Томас Карлейль. Загадка Сфинкса. М., 1900 г.) так определяет справедливость. «Мрачное, грозное правосудие, парящее в палатках и судах с их карающими законами, протоколами, уставами и постановлениями – очевидно для всех. Но бесплотная истинная справедливость не так видна, потому что она нисходит с «неба», которого, конечно, не видно...» [21. С. 2].

Вторая часть эскиза посвящена «морали рабов» и «морали господ», при этом Вейсман, следуя логике Ницше, у которого эти два вида морали все же последовательно разделяются, хотя и с целью выявления сложности целого представления о морали, признает, что *на земле существует действительно «двойственная нравственность»*, подменяя таким образом ницшеанскую парадигму собственной. Резюме сибирского обозревателя венчается политически ангажированной критикой правового устройства Европы, содержащей в себе откровенно аболиционистские мотивы:

Народы Европы приветствуют идею братства, стремятся к ослаблению войн. Откуда исходит призыв к кровожадности и мести к расе, хотя угрожающей, быть может, в будущем, но ныне слабой и миролюбивой? Не из очага ли просвещенности и протестантизма? <...> А тут же гордыня своей культурой, своей религией любви и прощения! Топить мирного невооружен-

ного жителя – это противно немножко гаагской конференции, но не противно трубить о такой победе над человеком – домашним животным другой расы.

В некоторых государствах даже Европы тот, кто принадлежит к данному племени, к известному племени, ограничивается и стесняется в праве передвижения, как преступник, лишается прав гражданина, как преступник, будь он честен и безукоризнен, – все равно. «Господа» своей моралью допускают это коренное внутреннее противоречие... [22. С. 2].

Заключительная часть эскиза посвящена определению преступника в учении Ницше. Вейсман принимает при этом скорее оценку проф. Н.С. Таганцева, выставляя германского философа современно мыслящим ученым:

Конечно, Ницше не может смотреть на преступника как нарушителя норм. Это узкая точка зрения уголовного права. Преступник, это, разумеется, лицо, “упорно не подчиняющееся требованиям правового порядка, велениям власти, его охраняющей”* (* Лекции проф. Таганцева, 1887. СПб.) [22. С. 2].

В сущности, упоминая, что Ницше всего лишь «пошел дальше», провозгласив преступником «сильного человека среди неблагоприятных условий», местный правозащитник вновь концентрируется на общем соответствии мысли философа модному психиатрическому взгляду на преступника: «...это проблема, намеченная в гениальном прозрении Ницше, научно обрабатываемая Ломброзо и учениками его»; «над вопросом о «людях, больных современностью» придется работать не одному поколению мыслителей».

Заканчивается работа Вейсмана назидательными фразами гуманистического плана, отдаленно напоминающими афоризмы Ницше только своей формой. В содержании же слышится пафос речи правозащитника, обращенной к судьям, присяжным, подсудимым:

Наша человеческая гордость, уважение к своему людскому племени, колеблется. Мы поражены ужасом в сознании существования громадного класса озверелых, жаждущих чужого добра и крови...

Обезопасить человеческую жизнь – значит стремиться к искоренению преступности.

Облагородить человечество – смотреть на преступника, как на больного [22. С. 2].

Сугубо личностное понимание и применение тезисов учения немецкого философа было типично для русской интеллигенции начала XX в. От антиницшеанства мыслящие и образованные русские люди пришли к обратному полюсу, к идеализации учения и его автора. «Склонение на наши нравы» и породило «русского Ницше», поэтому и статьи Черневича, и элегия Лемблана, и последующие переводы открывают, прежде всего, особые грани и достаточно высокий уровень субэтнического культурного сознания Сибири, центром формирования которого стал университетский Томск.

Ницшеана на страницах томской периодики 1900-х продолжилась благодаря стараниям, пожалуй, самого видного из сибирских просветителей и еще

одного ссыльного поэта. В 1903 г. П.И. Макушин анонсировал в «Сибирской жизни» издание только что вышедшего труда немецкого профессора Г. Файгингера «Ницше как философ» (*Nietzsche als Philosoph*, 1902, до 1916 г. четырежды переиздавался в Германии). В краткой рецензии на русский перевод говорилось:

В этой небольшой книжке русский читатель, незнакомый с учением столь прогремевшего на весь образованный мир немецкого философа Ницше, найдет краткое, ясное, толковое изложение его учения. Читать самого Ницше человеку, мало упражнявшемуся в чтении философских книг, чрезвычайно затруднительно, и постигнуть сущность его учения, главные основные его мысли тем более трудно для обыкновенного читателя, что Ницше не излагает их систематически, – они разбросаны, они переплетены с массой побочных мыслей, закутаны в необычайно образный язык: образы, афоризмы, приподнятый пророческий тон – просто подавляют мысль, и нужна огромная привычка в умении выделять или, да позволено мне будет так выразиться, выуживать зерно сущности из потока фантазии, воображения, ума и пафоса, чтобы понять главное в философии Ницше. На русском языке до сих пор, по крайней мере, не могли бы указать ничего более ясного по изложению философии Ницше, как изданная г. Сквирмунтом брошюра профессора Г. Файгингера, очень хорошо переданная г. Шутяковым [24. С. 2].

Таким образом, томичам в 1902 г. было представлено аутентичное видение философии Ницше, что свидетельствует о популярности его фигуры, с одной стороны, и с другой – об уровне культурного развития «обыкновенного читателя» в Сибири, которого Макушин не отделяет от «русского читателя» в целом. После его рецензии публикаций о Ницше в местной печати не появляется вплоть до 1907 г. Вероятно, потому, что 1900-е гг. отличаются необыкновенной активностью столичных русских ницшеанцев, работы которых определенно доходили до университетского города. С момента выхода заметки Макушина до следующего и последнего рецептивного прецедента в центральной периодике России вышел цикл работ Вяч. Иванова [25, 26], работы Е. Трубецкого [27]. К 1906 г. русская мысль социалистического толка также находилась под заметным влиянием ницшеанских идей: М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов пришли к признанию первостепенной роли искусства в социальной борьбе: в инициированном ими «богостроительстве» без труда идентифицировался ницшеанский код.

Переводы пролегоменов к «Веселой науке», появившиеся на страницах «Сибирских отголосков» в 1907 г., обозначают новый этап творческой рецепции наследия Ницше, усвоившей и столичные интерпретации. Первые русские переводы этого произведения, выполненные А. Николаевым [28] и А.Н. Ачкасовым [29], вышли в 1901 г.

Автор переводов подписался псевдонимом «Вас. Павлоградский», за которым скрывался внук Н.И. Лобачевского, талантливый студент Томского императорского университета Василий Эдуардович Дембовецкий (1883–1944), высланный из Петербурга и исключенный из Санкт-Петербургского университета, где он учился на словесном отделении историко-филологического факультета, за участие в забастовках и стихотворение «Па-

мья павших» (1905). Будущий поэт, автор нескольких книг стихов, знакомец М.И. Цветаевой и М.А. Волошина (подробнее см.: [30]), Дембовецкий естественным образом не мог пройти мимо феномена Ницше: он выбирает отрывки № 14 и № 63 [31] из 64 эпиграмм стихотворного пролога к книге Ницше «Die Fröhliche Wissenschaft» (1881–1882). Композиция книги составлена из 5 частей: всего более 380 прозаических отрывков, а также стихотворных пролога и финала, в которых Ницше рассуждает о природе и искусстве, о логике и сущности зла, впервые в этом сочинении появляется метафорическая максима – «Бог умер». По наблюдениям З.Е. Фоминой, специально обратившейся к изучению метафорического устройства пролога, «особенностью метафорической категоризации тех или иных сущностей, коррелирующих с феноменом “Веселое”, является высокая степень сложности их структурирования», доминантными сущностями «Веселой науки» исследователь считает такие концепты, как «философ», «философия», «познание», «интеллект», «мысль», «жизнь», само понятие «Веселая наука» [32. С. 33]. Необходимо отметить, что категория «веселого» восходит к провансальской литературе XIII–XVI вв., и в частности к Тулузской школе трубадуров, где «веселой наукой» («la gaya scienza») называли не что иное, как искусство поэзии, воспевавшей божественную и куртуазную любовь. Нельзя не обратить внимание и на то, что русский эквивалент «веселый» не совсем удачен или как минимум не в полной мере передает значение ницшевского определения «fröhlich», которое следовало бы перевести русским прилагательным «радостный», т.е. наполненным не «беззаботно-радостным настроением» [33. С. 66], а «ощущением большого душевного удовлетворения» [33. С. 555]. Однако для отрывков, выбранных сибирским корреспондентом, эта категория, судя по всему, не была первостепенной. Мотивы ссыльного поэта были скорее автобиографичными. Первый текст, втрое больший второго, раскрывает образ звезды, символически выражая кредо автора немецкого оригинала. Второй афоризм посвящен дружбе и вражде – теме, актуальной для самого переводчика. Поэзия Ницше предоставляет для него поле, безграничное для самовыражения, так же как его философия – для мыслителя, и оптимальным способом перевода пролегоменов мог бы стать принятый в европейской традиции перевода поэзии подстрочник. Несмотря на то, что непередаваемость блестящих афоризмов Ницше на русский язык неизменно отмечалась в том числе и авторами сибирских заметок, переводы Дембовецкого, думается, в целом можно считать удачными.

Первое стихотворение Ницше устроено характерным для его манеры способом. В центре поэтического фокуса располагается метафора, созданная по законам философской диалектики на основе единства и борьбы противоположностей. Такие метафоры образуют некий «метаязык», помогающий «объективации и образному обоснованию идей» [32. С. 36] «Веселой науки» Ф. Ницше. Сибирским переводчиком выбрана предпоследняя и ключевая с точки зрения этого метаязыка эпиграмма с метафорическим обыгрыванием образа звезды, эмблематически выражающего представление поэтов начала XX в. о самом Ницше. В контексте «Веселой науки» семистиише «Sternen-Moral» (Мораль звезды) являет собой один из «метафорических гештальтов

мысли, жизни и познания» [32. С. 34], выражая главную мысль о том, что жизни суждено быть экспериментом познающего.

В стихотворении находится целый ряд скрытых на уровне стили и поэтической семантики противопоставлений. В частности, первая и главная линия представлена концептом «Moral» («мораль»), открывающимся в лексемах «selig» («блаженно»), «грех» («Sünde»), «Gebot» («заповедь»). Понятия христианской морали отрицаются содержанием стихотворения, заключающего в себе призыв-вопросание, обращенное к звезде и утверждающее недейственность морали. На этом же контрасте построена вся система образов, ср.: «Dunkel» («мрак») и «Schein» («сияние»); «Elend» («невзгоды, убогость») и «Mitleid» («сострадание»):

F. Nietzsche

63. Sternen-Moral

Vorausbestimmt zur Sternenbahn,
Was geht dich, Stern, das Dunkel an?
Roll' selig hin durch diese Zeit!
Ihr Elend sei dir fremd und weit!
Der fernsten Welt gehört dein Schein:
Mitleid soll Sünde für dich sein!
Nur Ein Gebot gilt dir: sei rein! [34]

Подстрочник

Мораль звезды

Предназначенной для звездного пути,
Тебе, звезда, что этот мрак?
Прокатись блаженно вперед сквозь это время!
Его невзгоды пусть будут для тебя чужими и далекими!
Самому отдаленному миру принадлежит твоё сияние:
Сострадание должно грехом для тебя быть!
Лишь одна заповедь касается тебя: будь чистой!

Как видно, оригинал стихотворения выполнен четырехстопным ямбом с рифмовкой, отдаленно напоминающей септет (ааввсс). Композиция текста основана на реализации структуры вопросно-ответного комплекса, усиленного четырьмя побудительными конструкциями с восклицательными знаками (exclamatio), образующими градационное восхождение к самому главному символическому значению «чистоты» («sei rein!»).

Дембовецкий существенно переструктурирует параметры оригинала не только на уровне содержания, но и формы. Прежде всего, он корректирует название, вводя в него категорию множественного числа, при этом он изменяет и композицию, аннулируя вопросно-ответный комплекс, расширяя фразовый состав строк и увеличивая объем своего перевода: написанное четырехстопным ямбом (эквиметричность), восьмистишие с кольцевой рифмовкой катренов (аВВасDDc) соотносится с претекстом лишь на общеэмфатическом уровне выделения ведущих образов – «звезда», «мрак», «мир», «сиянье».

В.Э. Дембовецкий

Мораль звезд

Назначен путь тебе, звезда,
И нет тебе до мрака дела!
Невозмутимо, до предела,
Горя, свершай его всегда. Здесь точка?
Миров далеких вечный бег
Пускай следит твоё сиянье;
Забудь лишь только состраданье,
И чистоту храни во век [31].

Нарушение принципа эквилинеарности и стремление гармонизировать неравновесную структуру оригинала приводит к некоторой трансформации

смыслово-ассоциативного ряда: вместо трансцендентной неопределенности фразы «Der fernsten Welt gehört dein Schein» в переводе оказывается очень тютчевский образ «вечного движения» – «Миром далеких вечный бег»¹.

Автор новейшего русского перевода «Веселой науки» историк и философ К.А. Свасьян отмечает, что в контексте всего творчества Ницше этой книге «принадлежит, очевидно, исключительное место как самой открытой и вместе с тем самой секретной из всех книг Ницше», в которой «можно встретить самые необыкновенные скрещивания и комбинации – настоящее “искусство трансфигурации”, которое в предисловии к “Весёлой науке” и отождествляется собственно с философией» [35. С. 27]. Свасьян полагает, что дело в окупаемости веселости, которая представляет собой «род адской расплаты за “искусственный рай” сверхчеловечности – расплаты, которая, впрочем, всякий раз оборачивается неожиданной провокацией» [32. С. 29]. Такое понимание книги сквозь призму эволюции философии и судьбы Ницше позволяет переводчику предложить свой перевод «Sternen-Moral», отличающийся повышенным уровнем точности:

Перевод К.А. Свасьяна

63. Звездная мораль

В твоей провиденной судьбе,
Звезда, что этот мрак тебе?
Страхни блаженно цепь времен,
Как чуждый и убогий сон.
Иным мирам горит твой путь,
И ты о жалости забудь!
Твой долг единый: чистой будь! [36].

Второе стихотворение Ницше, переведенное В.Э. Дембовецким, – двустишие, заглавие которого можно было бы передать словом «храбрец». Оно представляет собой парафраз на темы цicerоновского афоризма о хорошей войне и плохом мире, стилистически обыгрываемого с помощью употребления профессионально окрашенной лексики, связанной с обработкой древесины: «Holz» – древесина, ствол; «geleimt» – клеёная древесина, т.е. конструкции из склеенных между собой цельных деревянных деталей. Выполнено рифмованное двустишие неравностопным метром с отчетливой хорейческой каденцией.

F. Nietzsche

14. Der Brave (оригинал)

Lieber aus ganzem Holz eine Feindschaft,
Als eine geleimte Freundschaft! [34].

Подстрочник

Храбрый

Лучше из цельного ствола вражда,
Чем клеёная дружба!

Дембовецкий выбрал для своего перевода очень специфический ритм вольного дактиля (пятистопный + шестистопный), что существенно увеличило слоговой объем строк и отразилось на синтаксической структуре текста. Кроме того, переводчик попытался передать омонимическую игру в рифменном созвучии оригинала, для чего использовал разносоставный и разноудар-

¹ В стихотворении «Звучит, как древле, пред тобою...» (Из «Фауста» Гете. I) у Тютчева упоминается «Земли... быстрый бег», а в черновике еще более сходный образ «вечного бега».

ный профиль русских слов «вражда» и «дружба». Эта каламбурная рифма несколько снижает метафорический контекст оригинала, как и развернутая антитеза строк.

В.Э. Дембовецкий
II. Мужественность

Лучше из целого выточить разом вражду,
Чем из ничтожных частичек томительно склеивать дружбу [31].

В целом же слог этого перевода, напечатанного в томской газете, отсылает к высоким образцам русской поэзии «золотого века» и является оригинальным, характерным решением начинающего русского поэта. Специфика поэтизмов Дембовецкого («томительно», «ничтожных», «частичек») открывается в сопоставлении с современным переводом, в котором передается стилизация «веселости», иронично-игровая тональность, организующая нарративное целое произведения Ницше:

Перевод К.А. Свасьяна
14. Бравый

Лучше враг из цельного куска,
Чем друг, приклеенный слегка! [36].

Переводы Дембовского завершают восприятие Ницше в дореволюционной периодике Сибири, которая в совокупности заключает в себе законченную рецептивную историю, объединяя прецеденты критического, переводческого, эдиционного и творческого усвоения. Его специфика репрезентативна как для расширения представлений о русском Ницше, так и для понимания местной парадигмы культурного сознания. Идеи немецкого философа экстраполируются в сочинениях и заметках Макушина, Черневича, Вейсмана, Лемблана и Дембовского на явления и интересы региона, в результате идеализация высоких образов ницшеанской философии преобладает над отрицанием ее деструктивных интенций. Хотя высказывания этих провинциальных авторов в некоторых моментах полемичны по отношению друг к другу, организующим началом в их ницшеанском дискурсе, его нервом является стремление разобраться самостоятельно в вопросах философии и морали, психологии личности новаторского немецкого учения, ориентируясь на интересы и нужды своего непосредственного адресата (читающей публики). Поэтому Ницше и его труды для публицистов, обозревателей, просветителей, поэтов, сошедшихся в единый журналистский круг сибирских газет 1890–1900-х гг., становятся импульсом для оригинальной, живой дискуссии об обществе и искусстве, праве, литературе и морали, порождая своеобразную русифицированную версию его учения. И если, как утверждает исследовательница русского (анти)ницшеанства 1890–1910-х гг. Э. Клюс, «русские читатели Ницше опередили своих современников в других странах в отношении критики традиционных моральных ценностей и в поиске альтернативных систем» [37. С. 12], то образ Ницше, представленный читателям «Сибирского вестника», «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосков», изобличал ориентацию на формирование ментальности, которая являлась специфически сибирской, по убеждениям самих же авторов публикаций.

Центром сибирской рецепции Ницше рубежа XIX–XX вв. выступал Томск. Причиной именно такой локализации и в географическом, и в идейном плане стала высокая концентрация образованной интеллигенции вокруг основанного в 1888 г. первого за Уралом российского университета, как ссыльных, так и тех, кто приехал по своей воле, чтобы служить науке, образованию, развитию русской мысли. Томская периодика выполняла миссию органа просвещения, а также превратилась в площадку для самореализации талантливых, думающих людей. Этим вполне объясняется достаточно высокая для провинции степень зрелости формировавшегося субэтнического культурного сознания. Отсутствие абсолютной зависимости от столичного вектора мысли открывается в том числе и в имагологическом дискурсе газетных публикаций сибиряков, сформировавших к 1900-м гг. собственную программу развития региона. Восприятие инациональной словесности могло служить продуктивным инструментом в устах «областников», и в этом отношении проанализированный комплекс ницшеанских рефлексов в зеркале томской печати в самом широком смысле представляет собой яркий пример развития культурного континуума, которое изменило свое направление в связи с нарастанием давления имперского центра и поворотом к интернациональному диктату.

Литература

1. *Бонецкая Н.К.* Русский Ницше // Вопросы философии [Интернет-ресурс]. Опубликовано 26.08.2013. URL: http://vphil.ru/index.php?id=788&option=com_content&task=view (дата обращения: 20.02.2016).
2. *Смольянинов А.Е.* Мой Ницше: Хроники интерпретирующего пилигрима: (Рецепция Ницше сквозь призму личного восприятия) // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/smolianinov/> (дата обращения: 04.02.2016).
3. *Синеокая Ю.В.* Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/ideas/> (дата обращения: 04.02.2016).
4. *Преображенский В.П.* Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма // Вопросы философии и психологии. М., 1892. Год 3, кн. 15. С. 115–160.
5. *Ницше Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1900.
6. *Синеокая Ю.В.* Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009.
7. *Черневич П.Л.* Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001.
8. [Черневич П.Л.] Очерки заграничной жизни // Сибирский вестник. 1895. № 27.
9. [Черневич П.Л.] Журнальное обозрение // Сибирский вестник. 1895. № 93.
10. *Малашонок М.Г.* Д.С. Мережковский как автор, представитель романтической школы и романтический герой // Аналитика культурологии. 2008. № 12. С. 211–216.
11. [Черневич П.Л.] Проповедь безумца. Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Нитче // Сибирский вестник. 1895. № 151. С. 2–3.
12. *Грустная история* о том, как был похоронен господин Фауст // Томский листок. 1896. № 10; *Джек потрошитель* // Томский листок. 1896. № 23.
13. *Элегии* в прозе // Томский листок. 1896. № 27.
14. *Никонова Н.Е., Серягина Ю.С.* Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 6 (69). С. 196–200.
15. *Berman A.* La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. P. 1–8.
16. *Козлов В.И.* Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М., 2013. С. 33–79.

17. *Гаспаров М.Л.* Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2: О стихах. М., 1997.
18. *Толстогузова Е.В.* Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (7).
19. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000.
20. *Фридрих-Вильгельм Ницше* (Некролог) // Сибирский листок. 1900. № 70.
21. *Вейсман Р.Л.* Мораль Фридриха Ницше и преступность: Эскиз // Сибирский вестник. 1900. № 216.
22. *Вейсман Р.Л.* Мораль Фридриха Ницше и преступность: Эскиз: (Продолжение) // Сибирский вестник. 1900. № 218.
23. *М. Нордау* о преступности // Сибирский вестник. 1902. № 262.
24. *Макушин П.И.* Файгингер. Ницше как Философ // Сибирская жизнь. 1903. № 41.
25. *Иванов Вяч.* О Дионисе орфическом // Русская мысль. 1903. № 11.
26. *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис // Весы. 1904. № 5. С. 17–30.
27. *Трубецкой Е.* Философия Ницше // Вопросы философии и психологии. 1903. № 69.
28. *Ницше Ф.* Веселая наука = (La gaya Scienza): пер. со 2-го нем. изд. А. Николаева // Ницше Ф. Собр. соч. Т. 7. М., 1901.
29. *Ницше Ф.* Веселая наука [пер. А.Н. Ачкасов] // Собр. соч. М., 1901. Т. 9.
30. *Немишлова З.* «Наше счастье – в кочующих звуках...» // Республика. 2013. 26 янв. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/56224> (дата обращения: 26.01.2016).
31. [Дембовецкий В.Э.] Из Ницше (Из «Пролога к веселой науке») // Сибирские отголоски. 1907. № 82. С. 2.
32. *Фомина З.Е.* Прологомены «Веселой науки» Фридриха Ницше и специфика их метафорической категоризации // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 3 (27). С. 32–49.
33. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 16-е изд., испр. М., 1984.
34. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft («la gaya scienza»). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz1lg.htm> (дата обращения: 26.01.2016).
35. *Свасьян К.А.* Ф. Ницше: мученик познания // Сочинения. в 2 т. Т. 1: Литературные памятники. М., 1990.
36. *Ницше Ф.* Веселая наука («la gaya scienza») // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> (дата обращения: 04.02.2016).
37. *Клюс Э.* Ницше в России: Революция морального сознания / пер.с англ. Л.В. Харченко. СПб.: Академ. проект, 1999.

“AND THE WORD ABOUT HIM, AND THE FAME OF A GLOOMY PHILOSOPHER WAS HEARD FROM EVERYWHERE”: FRIEDRICH NIETZSCHE IN THE MIRROR OF SIBERIAN PREREVOLUTIONARY PERIODICALS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 4(42), 139–156. DOI: 10.17223/19986645/42/11

Natalya E. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Petr A. Kovalev, Oryol State University (Oryol, Russian Federation). E-mail: kavaller@mail.ru

Yulia S. Seryagina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: seriagina@gmail.com

Keywords: Friedrich Nietzsche, reception, literary periodicals, verbal culture in Siberia.

The heritage of Friedrich Nietzsche (1844–1900) still attracts a great interest of humanities and remains largely unexplored, being a blessed field for interpretations and research of philosophers, linguists and literary critics.

Nietzsche's ideas became the subject of lively discussions in Russia in the 1890s, when the first translations and critical essays were published, being either Nietzschean or anti-Nietzschean. The fast increase of Nietzsche's popularity in Russia started after his death in 1900. It is associated with the release of the first Russian collected works of him in 9 volumes, and also with appreciating his philosophy that promoted the development of Russian new idealism.

This paper presents the first attempt of determining the perception specifics of Nietzsche by Siberian intelligentsia of the 1890s–1900s echoed in periodicals of that time.

In 1894–1907, Siberian periodicals (*Sibirskiy vestnik*, *Sibirskaya zhizn'*, *Sibirskie otgoloski*) hold a lively discussion about Nietzsche and his ideas. The participants were prominent public figures of Tomsk: Pyotr Ivanovich Makushin; the founder of the Siberian regionalism legal principles Raphael Lvovich Weisman; the great-grandson of N. Lobachevsky, poet and translator Vasily Eduardovich Dembovetsky; the respected literary critic Pyotr Lvovich Chernevich and others.

P. Chernevich, on the one hand, determines the resonance characteristics in the spirit of religious idealism, on the other hand, he consciously does not accept the pessimistic, shocking, nihilist ideas of Nietzsche. This position reflects in Siberian periodicals in his further notes that show the original receptive strategy and eliminate the possibility of the provincial neophytism. Chernevich unfolds the image of a mad philosopher in his subsequent detailed article “Sermon of the Madman” (1895).

A year after Chernevich's article, *Sibirskiy vestnik* publishes a work of an author under the pseudonym of Raphael Lem'blan, “Elegy in Prose”. One of the two parts of this work, “Philosopher II (About Nietzsche)” is an original variation of the image of a repentant thinker. Elegy provides Nietzsche's image, clear to the author and reader, through the prism of his biographical myth, elements of which were in the preceding article by Chernevich. Lem'blan continues the theme of madness that Chernevich stated, directing Nietzsche's life story in the Christian mainstream. Suffering, disease, understanding of errors and misconceptions, repentance before death turn the hero of this elegy into a saint.

In the year of the philosopher's death a voluminous work of R.L. Weisman, a famous human rights activist and a Russian public figure, appears in Siberian periodicals. It reveals the basic concepts of the German thinker's legal philosophy, such as ethics, “morality of the manor” and “morality of a slave”, “punishment” and “improvement”, “race discipline”, “criminal” and “pathology”. The author, however, while presenting and commenting the theses of his works, does not always agree with them, so there is an original analytical and critical side of this work.

Translations of the prolegomena to *The Gay Science*, which appeared on the pages of *Sibirskie otgoloski* in 1907, represent a new stage in the creative reception of Nietzsche's heritage that also assimilated metropolitan interpretations.

References

1. Bonetskaya, N.K. (2013) Russkiy Nitshe [Russian Nietzsche]. *Voprosy filosofii*. August 26. [Online]. Available from: http://vphil.ru/index.php?id=788&option=com_content&task=view. (Accessed: 20th February 2016).
2. Smol'yaninov, A.E. (2003) *Moy Nitshe. Khroniki interpretiruyushchego pilgrima. (Retseptsiya Nitshe skvoz' prizmu lichnogo vospriyatiya)* [My Nietzsche. Chronicles of an interpreting pilgrim. (Reception of Nietzsche through the prism of personal perception)]. [Online]. Available from: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/smolianinov/>. (Accessed: 04th February 2016).
3. Sineokaya, Yu.V. (n.d.) *Vospriyatie idey Nitshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie* [Perception of Nietzsche's ideas in Russia: the main stages, trends, meaning]. [Online]. Available from: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/ideas/>. (Accessed: 04th February 2016).
4. Preobrazhenskiy, V.P. (1892) Fridrikh Nitshe. Kritika morali al'truizma [Friedrich Nietzsche. Criticism of morality of altruism]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. III:15. pp. 115–160.
5. Nietzsche, F. (1900) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Works: in 8 vols]. Moscow.
6. Sineokaya, Yu.V. (2009) *Filosofiya Nitshe i dukhovnyy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI v.)* [The philosophy of Nietzsche and the spiritual experience of Russia (the end of the 19th – early 21st centuries)]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
7. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2001) Chernevich P.L. In: *Tomskiy nekropol': spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomских kladbishchakh, 1827–1939* [Tomsk necropolis: lists and obituaries of people buried in the old cemetery of Tomsk, 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University.
8. [Chernevich, P.L.] (1895) Ocherki zagranichnoy zhizni [Essays of life abroad]. *Sibirskiy vestnik*. 27.
9. [Chernevich, P.L.] (1895) Zhurnal'noe obozrenie [The journal review]. *Sibirskiy vestnik*. 93.
10. Malashonok, M.G. (2008) D.S. Merezhkovskiy kak avtor, predstavitel' romanticheskoy shkoly i romanticheskoy geroy [D.S. Merezhkovsky as a writer, a representative of the romantic school and the romantic hero]. *Analitika kul'turologii*. 12. pp. 211–216.
11. [Chernevich, P.L.] (1895) Propoved' bezumtsa. Bud'te radostny i vesely, kak ya. Fr. Nitshe [Preaching of a madman. Be glad and happy as I am. F. Nietzsche]. *Sibirskiy vestnik*. 151. pp. 2–3.
12. Tomskiy listok. (1896) Grustnaya istoriya o tom, kak byl pokhoronen gospodin Faust [A sad story about how Mr. Faust was buried]. *Tomskiy listok*. 10.
13. Tomskiy listok. (1896) Elegii v proze [Elegies in prose]. *Tomskiy listok*. 27.
14. Nikonova, N.E. & Seryagina, Yu.S. (2015) Poeziya N. Lenau na stranitsakh tomskoy periodiki

nachala XX v.: rezonansy perevodcheskogo vospriyatiya [The poetry of N. Lenau in Siberian periodicals in the early of the 20th century: resonances of translational perception]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Orel State University*. 6 (69). pp. 196–200. (In Russian).

15. Berman, A. (1990) La retraduction comme espace de la traduction [Retranslation as a space of translation]. *Palimpsestes*. 4. pp. 1-8.

16. Kozlov, V.I. (2013) *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian elegy of the noncanonical period: Essays on the typology and history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

17. Gasparov, M.L. (1997) Tri tipa russkoy romanticheskoy elegii [Three types of Russian romantic elegy]. In: Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

18. Tolstoguzova, E.V. (2009) Elegiya: zatyauvsheesya posleslovie k istorii zhanra [Elegy: a prolonged epilogue to the history of the genre]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 3 (7).

19. Gasparov, M.L. (2000) *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [Essay on the history of Russian verse: Metrics. Rhythmic. Rhyme. Strophe]. 2nd ed. Moscow: Fortuna Limited.

20. Sibirskiy listok. (1900) Fridrikh-Vil'gel'm Nitsse (Nekrolog) [Friedrich Wilhelm Nietzsche (Obituary)]. *Sibirskiy listok*. 70.

21. Veysman, R.L. (1900) Moral' Fridrikha Nitsse i prestupnost'. Eskiz [The moral of Friedrich Nietzsche and crime. A sketch]. *Sibirskiy vestnik*. 216.

22. Veysman, R.L. (1900) Moral' Fridrikha Nitsse i prestupnost'. Eskiz (Prodolzhenie) [The moral of Friedrich Nietzsche and crime. A sketch (Continued)]. *Sibirskiy vestnik*. 218.

23. Sibirskiy vestnik. (1902) M. Nordau o prestupnosti [M. Nordau on Crime]. *Sibirskiy vestnik*. 262.

24. Makushin, P.I. (1903) Fayginger. Nitsse kak Filosof [Fayginger. Nietzsche as a philosopher]. *Sibirskaya zhizn'*. 41.

25. Ivanov, Vyach. (1903) O Dionise orficheskom [About Orphic Dionysus]. *Russkaya mysl'*. 11.

26. Ivanov, Vyach. (1904) Nitsse i Dionis [Nietzsche and Dionysus]. *Vesy*. 5. pp. 17–30.

27. Trubetskoy, E. (1903) Filosofiya Nitsse [Nietzsche's philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 69.

28. Nietzsche, F. (1901) Veselaya nauka = (La gaya Scienza) [The gay science]: Translated from 2nd German ed. by A. Nikolaev. In: Nietzsche, F. *Sobr. Soch.* [Works]. Vol. 7. Moscow.

29. Nietzsche, F. (1901) Veselaya nauka [The gay science]: Translated from German by A.N. Achkasov. In: Nietzsche, F. *Sobr. Soch.* [Works]. Vol. 9. Moscow.

30. Nemshilova, Z. (2013) "Nashe schast'e – v kochuyushchikh zvukakh..." ["Our happiness is in nomadic sounds..."]. *Gazeta Respublika*. 26 January. [Online]. Available from: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/56224>. (Accessed: 26th January 2016).

31. [Dembovetskiy, V.E.] (1907) Iz Nitsse (Iz "Prologa k veseloy nauke") [From Nietzsche (From Prologue to The Gay Science)]. *Sibirskie otgoloski*. 82. p. 2.

32. Fomina, Z.E. (2015) Prolegomens of The Gay Science by Friedrich Nietzsche and the specific nature of their metaphorical categorization. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 3 (27). pp. 32–49. (In Russian).

33. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 16th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

34. Nietzsche, F. (n.d.) *Die fröhliche Wissenschaft* [The Gay Science]. [Online] Available from: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz1lg.htm>. (Accessed: 26th January 2016).

35. Svas'yan, K.A. (1990) F. Nitsse: muchenik poznaniya [F. Nietzsche. A martyr of knowledge]. In: Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 1. Literaturnye pamyatniki. Moscow: Mysl'.

36. Nietzsche, F. (n.d.) *Veselaya nauka ("la gaya scienza")* [The Gay Science]. [Online]. Available from: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/>. (Accessed: 04th February 2016).

37. Klyus, E. (1999) *Nitsse v Rossii: Revolyutsiya moral'nogo soznaniya* [Nietzsche in Russian Revolution of moral consciousness]. Translated from English by L.V. Kharchenko. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.